

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П83

Серия «Военная фантастика»
Выпуск 183

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Протасов, Сергей Альбертович

П83 Цусимские хроники: Апперкот : роман / Сергей Протасов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2020. — 480 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-123391-4

Противостояние России и Японии продолжается, но у обеих сторон уже не хватает сил для последнего решительного удара. К тому же все острее проявляется явно антироссийская позиция «владычицы морей» и других теневого участников дальневосточного конфликта.

В такой патовой ситуации только что назначенному наместнику императора приходится идти на отчаянные шаги, чтобы добиться заметного успеха. Цена его невероятно высока, но выбора нет... На карту поставлено все, что есть! И пусть на первый взгляд ставка сыграла, чем все это обернется в итоге — еще совсем не ясно!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-123391-4

© Сергей Протасов, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Прошло неполных две недели,
Пробоины чуть залатав,
Оставив без снарядов берег,
Мы снова в море,
Через силу якоря подняв!

Из Петербурга, так спокойно нам:
«Мол, надо, Федя!
Главное, чтоб воля, — говорят, — была
к победе!»

Глава I

Войдя в Цусима-зунд и наконец добравшись до рейда Озаки, эскадра быстро разместилась на бочках и у бортов пароходов, согласно указаниям тылового начальства. Начали срочное пополнение боекомплекта, забирая последнее с плавучего арсенала, которым числился «Анадырь», и дополнительно сокращая боезапас батарей, транспортов и даже «Владимира Мономаха». Хотя большая часть кораблей теперь с изрядным трудом могла передвигаться самостоятельно, готовились к новому бою.

Но обеспечить всех и всем даже такой ценой все равно возможности не было. Трех-, пяти- и шестидюймовые снаряды для пополнения погребов до почти полного комплекта на Цусиме еще можно было добыть, фактически ограбив береговую оборону, но для двенадцатидюймовых пушек их почти не было. Хотя пороховых зарядов в погребах эскадренных броненосцев, стрелявших в последнем походе только по береговым целям и большей частью половинными зарядами, еще оставалось немало.

Для главных калибров «Орла» и «Бородино» с «Анадыря» выгребали абсолютно все остатки. Но это дало лишь по семь снарядов на орудие, причем три из них сегментные, можно сказать оконфузившиеся у Нагасаки. Для «ушаковцев» изыскалось по шесть-семь штук старых чугунных бомб да по пять-шесть сегментных на каждую десятидюймовку. Зато для девятидюймовок «Николая» имелся почти полный боекомплект, в то время как во Владивостоке, где сейчас и находился флагман

Небогатова, современных снарядов такого калибра как раз и не осталось.

На следующий день после возвращения в Озаки объявленного по эскадре выходного не получилось. Не дали японцы. Хотя их прихода ждали, служба на кораблях неслась только дежурными вахтами. Доклад из Окочи о доносящейся с северо-запада стрельбе, а потом и появлении дымов сначала никого не обеспокоил. Мало ли чем решил развлечься противник. Батареи привели в готовность, но общей тревоги не объявляли.

Но когда начались непонятные эволюции в виду берега, а потом и бомбардировка укреплений на входных мысах, на корабли вызвали всех. Срочно разводили пары, выбирали якоря. Пока готовились к отражению нападения, японская атака неожиданно закончилась.

Снова собрали большое совещание. Однако разумного объяснения поведению противника не нашли. Предположив, что ответ на этот вопрос найдется в тех «важных депешах», о которых говорилось в принятых лишь частично телеграммах с «Монгуая», перешли к решению текущих вопросов, а покончив с самыми срочными из них, к обсуждению плана дальнейших действий, поскольку ни о каком отдыхе теперь уже не могло быть и речи.

По-прежнему признавалось единственно верным придерживаться тактики изматывания противника на море без прямых столкновений с крупными силами флота. С этим было трудно спорить, учитывая явное неравенство в технических возможностях японских баз и нашего Владивостока, не говоря о Цусиме.

Но некоторых, мягко говоря, смущала такая тактика, названная в последних английских и японских газетах, доставленных Ростамовичем, «тактикой трусливой собаки». В немалой степени этому способствовала полномасштабная травля Рождественского и всего Тихоокеанского флота, развернутая в англоязычной прессе с грубейшим искажением фактов и явными вымыслами. Все это изрядно «царапало» самолюбие молодых мичманов и лейтенантов.

До открытых высказываний дело пока не доходило, но в кают-компаниях и матросских кубриках порой звучали мысли, что уже хватит бегать и гадить по задворкам. Пора снова в открытую схватиться со всем их флотом.

Однако поддаваться на столь примитивные провокации было бы глупо. На совещании этот вопрос даже не обсуждался. Тем более что вполне достойный ответ нашелся на страницах шанхайской газеты «Чифу Дейли-Ньюз». Там была опубликована статья некоего Баннера, немца, судя по фамилии, в которой он сравнивал ход войны с боксерским поединком.

Суть статьи сводилась к тому, что один из боксеров вышел на ринг неготовым. Не проснувшимся, больным или уставшим — не важно. Причем это, вполне возможно, подстроено устроителями поединка. Его противник, молодой, очень активный и достаточно мощный боец, решил сразу воспользоваться такой ситуацией, поскольку заметно уступает в силе. Ему удалось провести несколько чувствительных ударов, которые заметно сказались на состоянии не готового, но очень опытного бойца, но они его и взбодрили. Оправившись от потрясения и так и не дав себя добить, тот пошел вперед. В то время как «молодой» уже начал уставать и терять скорость, его противник, отсидевшись в обороне и поняв основные приемы своего оппонента, неожиданно сменил тактику. Внезапной контратакой он перехватил инициативу. Если в начале, не желая расходовать силы, он выцеливал, рассчитывая свалить противника одним мощным хуком, когда тот подставится, то теперь начал активно атаковать, нанося сразу серии своих ударов. Причем идеально рассчитанные серии, поскольку опытный боец уже успел хорошо изучить молодого и каждый раз попадает, в то время как кулаки второго все время пролетают мимо.

Со стороны это выглядит избиением и издевательством или как минимум нечестным боем. О чем и начинают кричать устроители, понимая, что, скорее всего,

потеряют свои деньги. Но о том, что этот поединок был нечестным с самого начала, они помалкивают.

Такая спортивная аллегория была весьма занятной и доходчивой. Чтобы пресечь брожение в умах, Роже-ственский распорядился ознакомить со статьей всех офицеров и назначить грамотных матросов, чтобы читали ее вслух нижним чинам. Однако помимо «политинформации» требовалось решать насущные вопросы. Говоря все тем же боксерским языком, изобретать те самые джебы, хуки и апперкоты, которые и должны свалить на пол ринга «молодого боксера». В то же время нужно думать о том, чтобы не подставиться самим. Причем с учетом того, что противник из «дворовой шпаны», не особо уважающей правила «джентльменских поединков», и весьма неплох в своем деле. Впрочем, как и сами устроители, тоже готовые пакостить, где это будет возможно.

Сначала было предложено считать приоритетной целью японские грузоперевозки из метрополии в Корею и оккупированные порты китайского побережья. Что, в принципе, и являлось основной целью флота с самого начала войны. Однако эта задача, при кажущейся на первый взгляд легкости, была практически невыполнима с теми силами, их техническим состоянием и обеспечением, что были сейчас у России на Тихом океане.

Даже если не принимать в расчет острейшую потребность в ремонте кораблей и механизмов и в отдыхе буквально загнанных экипажей, при все время возраставшей минной угрозе в Корейском проливе организация нашего постоянного присутствия на коммуникациях была слишком рискованной. Каждый выход отдельных кораблей и всей эскадры, даже сопровождаемый тральным караваном, являлся лотереей, где рано или поздно везение кончается. Что в полной мере проявилось при прорыве последнего конвоя снабжения, сопровождавшегося подрывом «Аргуни».

Обеспечение полной безопасности от постоянно выставляемых противником в значительных количествах

мин оставалось недостижимой мечтой в принципе. Поэтому, прежде всего, требовалось максимально сократить число проходов через опасные воды. А для этого нужно было наладить постоянную надежную разведку легкими силами районов сосредоточения японских судов с армейскими грузами и на путях их следования, чтобы получить возможность целенаправленных выходов главных сил только для перехвата хорошо охраняемых караванов армейских транспортов.

Чтобы эта система действовала, нужны были довольно многочисленные и быстроходные легкие разведочные силы. Но ничего подобного у Тихоокеанского флота России не было. К тому же действия разведки, при наличии у противника достаточно мощного флота, требовалось прикрывать броненосцами и крейсерами, что снова упиралось в минную опасность, не позволявшую провести быстрое развертывание главных сил, в случае возникновения угрозы для разведки и ее непосредственного ближнего прикрытия.

Кроме того, это неизбежно вело к нежелательному генеральному сражению флотов, исход которого предсказать было невозможно. Даже в случае равноценного размена, на который можно было рассчитывать только при нашем большом везении, Тихоокеанский флот оказывался в проигрыше. В любом случае после такого боя море вокруг Цусимы оставалось бы за японцами, что все так же было крайне нежелательно для нас.

Посылать крейсера для постоянных набегов на западное побережье Кюсю слишком опасно и расточительно. К тому же с тем, что есть, это не обеспечивало полного контроля над судоходством. Флот на Цусиме располагал теперь только тремя современными крейсерами. Но до окончания профилактического ремонта машин, котлов и вспомогательного оборудования боеспособными ни «Аврору», ни «Светлану» с «Богатырем» назвать было нельзя.

Четвертый — «Олег», кроме «врожденных» проблем с котлами, изрядно пострадавший в бою, — теперь

мог быть использован лишь в качестве конвоира для обратной проводки разгруженных пароходов, и то только в случае крайней необходимости. На Цусиме исправить в полной мере изъяны его силовой установки и боевые повреждения возможности не имелось.

Истребители и миноносцы также нуждались в переборке механизмов и ремонте. К этому теперь добавились и последствия навигационной ошибки, стоившей погнутых лопастей левого винта «Безупречному». К тому же миноносцев недостаточно даже для непосредственного обеспечения действий флота, так что вести разведку у японских берегов или на путях движения транспортов с армейскими грузами они не могут.

К тому же организация планомерной полномасштабной блокады японского побережья потребует огромного расхода угля и прочих предметов снабжения, что было невозможно обеспечить ресурсами Цусимской базы, даже с организацией постоянной угольной станции на островах Рюкю или где-то еще южнее Цусимы. Не говоря уже о том, что изношенные механизмы кораблей ее просто не выдержат. Железо не люди, оно ломается.

В то же время сидеть без дела и ждать подхода подкреплений нельзя. Потеря темпа общего наступления на море позволит противнику опомниться и организовать какие-либо контрмеры, что в условиях гораздо лучшего технического обеспечения японского флота и его подавляющего превосходства в легких силах может быстро и в корне изменить ситуацию. Чрезвычайная уязвимость вновь образовавшихся растянутых коммуникаций может привести к их разрыву и полному блокированию передовых гарнизонов на Цусиме и в Гензане, что резко осложнит возможности базирования флота и действия армии в северо-восточной Корее.

Даже в случае ухода эскадры во Владивосток проблема не решалась, а лишь усугублялась. В этом случае давление на противника неизбежно снизится, а гарантировать безопасность путей снабжения в Японском море все

так же будет невозможно. В итоге это приведет к быстрой потере отвоеванных с таким трудом и потерями ключевых позиций.

В ходе жарких споров никаких конкретных идей так и не появилось. Решили пока сосредоточиться на скорейшем восстановлении боеспособности для последующего прорыва во Владивосток, где предстояло провести уже основательный ремонт, чтобы к моменту подхода подкреплений с Балтики успеть освободить ремонтные мощности порта для них.

К активным действиям на море предполагалось перейти только после обеспечения их прорыва, завершения восстановительного послепоходового ремонта всех кораблей Дубасова и хотя бы минимальной практической подготовки его артиллеристов по новым методикам.

Время требовалось еще и для того, чтобы накопить необходимые запасы, учитывая ожидаемое увеличение численности флота после прихода пополнений, и откуда-то взять новые стволы главного калибра для броненосцев, взамен имевшихся. Те, что сейчас стояли в башнях, уже почти полностью исчерпали свой ресурс. Все вместе это отодвигало начало нового наступления на море по крайней мере до весны следующего года. Раньше никак не получалось. Конечно, эти сроки были совершенно неприемлемы. Война и так слишком затянулась.

Японцам приходилось не слаще. Их такое затягивание окончательного решения русско-японского вопроса категорически не устраивало, и они вполне могли решиться на любые отчаянные шаги, что делало их еще более опасным противником, чем раньше.

Было совершенно очевидно, что на данный момент с нашей стороны средства ведения морской войны исчерпаны почти полностью. Но флот уже сказал свое веское слово, причем достаточно убедительно, при этом выжившись полностью и добившись немало. Многие считали, что теперь черед был за дипломатами или в крайнем случае за армией.

Сам Зиновий Петрович с этим был согласен, считая, что настало время для начала решительного наступления в Маньчжурии, которое может окончательно сломить волю противника к сопротивлению, обеспечив благоприятные условия для начала мирных переговоров. Лишившись регулярного снабжения, армии маршала Оямы еще не успели приспособиться к новым условиям. По полученным последним сведениям из Китая, у них теперь не хватало всего — от еды до патронов. И именно сейчас они оказались в максимально уязвимом положении.

Но надежд на то, что одними депешами в Харбин и дальше по армейским штабам, отправленными перед уходом из Владивостока, удастся сдвинуть армию с насиженных позиций, не было. А с Цусимы установить надежное сообщение с армейским руководством для согласования действий возможности не имелось. Так что Рождественскому, вне зависимости от дальнейшего пути эскадры, в любом случае требовалось срочно возвращаться на Большую землю. Это была еще одна проблема, которую предстояло решить.

* * *

К 23 июля, совершенно не имея никаких известий о судьбе «Сома», субмарину уже посчитали погибшей. Ее возвращение в Озаки из очередного боевого похода к корейским берегам, состоявшееся почти на два дня позже планировавшегося срока, стало приятным сюрпризом. К этому времени причина бегства японцев из южной Кореи уже была предположительно известна. Подробный рапорт командира задержавшейся в плавании лодки добавил ясности в этом вопросе.

Это был четвертый «минный» рейд наших подводников к японским передовым базам Фузан и Мозампо. Ранее «Касатка» и «Сом» осуществили по три, так сказать, «ознакомительные» вылазки в эти неудобные для подводного плавания из-за сильных течений и малых глубин воды. В ходе вылазок, пользуясь трофейными японскими

и английскими лодками, найденными в Такесики и Озаки, подводники провели разведку глубин, грунта на дне, направления и силы подводных течений и системы охраны японских фарватеров. Попутно наметили подходящие места для минных банок.

Входной фарватер Фузана, как наиболее доступный из-за меньшего числа дозорных судов, был изучен гораздо лучше. Были точно разведаны маршруты движения средних и даже малых пароходов от входа в бухту Пусанхан, до самого входа в гавань Фузана и мысов Сындумаль и находящегося в двадцати семи кабельтовых к югу-юго-западу от него мыса Саньималь. Также были обнаружены и нанесены на карты навигационные знаки, отмечающие подводную скалу к северо-востоку от северной оконечности острова Йондо. Хорошо освоили береговые ориентиры.

Уже пользуясь «своими» навигационными отметками, после некоторого дооборудования в Такесики, «Сом» вместе с «Шереметевым», а потом и «Касатка», отправились к этим южнокорейским портам с минами на борту. За один выход, полностью отказавшись от торпедного оружия, каждой лодкой типа «Касатка» можно было доставить на японские фарватеры по четыре мины, ставить которые было возможно даже из подводного положения, поскольку они размещались на специальных откидных рамах, установленных на места отводящих устройств минных аппаратов.

Только «Сом» должен был всплывать, чтобы скинуть мины с рельсов на палубе. Они размещались по две штуки впереди и позади рубки в теоретическом центре масс лодки, чтобы не изменять критически дифферентовку субмарины после минирования. Поэтому он и ходил к менее защищенному Фузану. Хотя операция минирования для «Сома» и была несколько опаснее, зато он сохранял свое торпедное вооружение, просто лишаясь запасных торпед.

Первых два рейда были как бы продолжением разведки и испытанием устройств для постановки мин. Едва